

Скрытый смысл наполеоновских текстов

Кипнис Б.Г.

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

Статья посвящена той стороне деятельности Наполеона Бонапарта, которая реже привлекает внимание: Наполеон-публицист. Исследуется мемуарное творчество императора, созданное на о. Святой Елены. Автор, анализируя тексты изгнанника, старается через них уяснить себе и представить на суд читателя глубинный смысл, заложенный Бонапартом в его произведениях. Объектом исследования является как сам текст, так и его структура. Автор предлагает свою трактовку посыла и адресности наполеоновских воспоминаний и впервые с таких же позиций исследует произведение императора.

Ключевые слова: император, Бонапарт, полемист, публицист, язык, стиль, якобинцы, Тулон, Цезарь, санкюлоты.

Для цитаты: Кипнис Б.Г. Скрытый смысл наполеоновских текстов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 67–82. DOI:10.17759/langt.2022090408

Napoleon's Texts: Hidden Meanings

Boris G. Kipnis

Saint Petersburg, Russia,
e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

The article focuses on an aspect of Napoleon Bonaparte's work that receives less attention: Napoleon the publicist. It explores the emperor's memoirs written while he was on the island of Saint Helena. The author, analysing the outcast's texts, tries to make sense of them and to give the reader an insight into the deep meaning of Bonaparte's writings. The object of the study is both the text itself and its structure. The author offers his own interpretation of the message and address of Napoleon's memoirs and, for the first time, explores the emperor's work from the same perspective.

Keywords: emperor, Bonaparte, polemicist, publicist, language, style, Jacobins, Toulon, Caesar, sans-culottes.

For citation: Kipnis B.G. Napoleon's Texts: Hidden Meanings. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 67–82. DOI:10.17759/langt.2022090408 (In Russ.).

«Во мне живут два разных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить замолчать эту струну, которая теперь не издает у меня уже никакого звука» [4; 41].

Горькое и страшное признание. По-своему честное. Он признался в этом однажды Луи Редереру¹. Признался, когда был на вершине могущества и славы, но не совсем еще утратил способности к честной самооценке, ну хоть иногда.

Говорят, что человек — это стиль. Хочется добавить: а стиль — это язык, в который человек облакает свои мысли и чувства. Совершенно напрасно император пытался убедить Редерера, а главное, самого себя, что сердце его замолчало. Оно просто, по нашему мнению, трансформировало свое биение в лаконичный стиль его текстов. Текстов, надиктованных на острове Святой Елены. Двадцать лет командования армиями и владычества над народами не прошли бесследно: фразы стали отточенными, как у Цезаря, а язык остался лаконичным и ярким, но без сантиментов, которыми он перегружен в «Клиссоне и Евгении». Впрочем, Бонапарт писал этот роман в 1795 году, когда переживал влюбленность в Дезире Клари: возраст и состояние души его выплеснулись в этом тексте.

Через двадцать лет, медленно угасая в ссылке, он торопился закрепить на бумаге свои мысли и, как бы он от этого не отрешивался, чувства. Наполеон преследовал двоякую цель: с одной стороны, создать легенду своей жизни и тем самым подготовить реставрацию своего сына на французском престоле, а с другой, высказаться по волновавшим его вопросам военного искусства, войны и армии, политики и народа. И, сам того не подозревая, рассказывал о самом себе. О скрытом от досужего присмотра Наполеоне Бонапарте.

Возьмем такое специфическое и весьма сухое по стилю изложения сочинение, как «Осада Тулона». Тут, при чтении, мы обнаруживаем в авторе мастера яркого и одновременно лаконического, очень емкого портрета. Посмотрите, как описывает он командующих осадной армией, самодельных генералов якобинской Республики, порожденных судорогами 1793 года, добросовестно забывая при этом, что он и сам был одним из них.

Вот портрет первого из них, Жана-Франсуа Карто²: *«Измена, отдавшая англичанам флот Средиземного моря, город Тулон и его арсенал, потрясла Конвент»³. Он назначил*

---

¹ Редерер Пьер-Луи (1754 — 1835), адвокат, экономист, член Национального собрания, в 1789 — 1792 гг. член Якобинского клуба; член Государственного совета в эпоху Консульства, граф Империи (1810), пэр Франции.

² Карто Жан-Франсуа (1751 — 1813), сын драгуна, воспитывался сначала в гарнизонах, а с 1759 г. — в парижском Доме инвалидов; стал художником, потом был солдатом. В 1780 г. — адъютант Лафайета, участвовал в сражении в 1792 г. В сентябре — октябре 1793 г. руководил осадой Тулона, был заменен; 13 вандемьера 1795 г. под начальством генерала Бонапарта подавлял мятеж роялистов в Париже. С 1805 г. на пенсии по старости.

генерала Карто главнокомандующим осадной армией. Для руководства осадной артиллерией... был назначен Наполеон⁴... 12 сентября он прибыл в Боссе, представился генералу Карто и скоро заметил его неспособность. Командуя небольшой, направленной против федералистов⁵ колонной, этот офицер (Карто) на протяжении трех месяцев из полковника сделался бригадным генералом, дивизионным генералом и главнокомандующим. Он ничего не понимал ни в крепостном, ни в осадном деле» [2; 4].

В этой небольшой экспозиции Наполеон показал всю свою противоречивость. Первые три фразы просто великолепны: без лишних околичностей автор вводит читателя сразу в суть дела. В структуре произведения, как и в стиле, он явно идет по стопам автора записок о «Галльской войне»: тому потребовалось шесть глав, чтобы перейти к рассказу о своих действиях, Бонапарту — две, по объемности размера разница небольшая. Кроме того, Цезарю надо было дать описание географии и нравов племен, населяющих целую страну, далекую еще от Рима. Ссылный Святой Елены писал о своей Родине. Начало же повествования о собственно войне у римлянина так же энергично и экономно, как у корсиканца: *«При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию⁶, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генову. Во всей же Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Геновы» [5; 31].*

Еще более схожи оба стиля при сравнении наполеоновского текста с первой фразой книги цезаревой «Гражданской войны»: *«Когда письмо Цезаря было вручено консулам, то лишь с трудом и благодаря величайшей настойчивости народных трибунов удалось добиться от них прочтения его в сенате; однако добиться, чтобы на основании этого письма был сделан доклад сенату, они не смогли» [6; 5].* Однако же на этом сходство в изложении нарушается: император, начав «создавать» портрет Карто, поступает так, как никогда не позволял себе Цезарь. Он сразу же помещает свой вывод о бездарности генерала и только дальше начинает приводить доказательства. При этом надо отметить, что первое из них, о превращении Карто в три месяца из полковника в главнокомандующего, весьма сомнительного свойства: ведь и Бонапарт, прибыв в армию 12 сентября 1792 г. в чине майора, взял Тулон 18 декабря, а бригадным генералом стал 22 декабря, т.е. за четыре месяца. Это доказывает лишь то, что стремительность карьеры под огнем для 1793 г. была делом обычным.

---

³ Национальный Конвент — высший законодательный орган Первой французской республики (1792 — 1795) в разгар Великой французской революции. Первый французский парламент, сформированный на основе всеобщего избирательного права.

⁴ Себя автор всегда именуется в 3-м лице, как Цезарь в «Записках о Галльской войне».

⁵ Федералисты — так во Франции тогда именовали сторонников жирондистов, требовавших федеративного устройства страны, врагов якобинцев.

⁶ Цизальпийская Галлия.

Следующее доказательство некомпетентности Карто гораздо более серьезное: «... На рассвете 13 сентября главнокомандующий повел Наполеона на батарею, которую он (т.е. Карто — Б.К.) выставил для того, чтобы сжечь английскую эскадру. Эта батарея была расположена ... на небольшой высоте, несколько правее шоссе, в 2000 туазах от морского берега. На ней было восемь 24-футовых пушек, которые, по мнению главнокомандующего, должны были сжечь эскадру, стоявшую на якоре в 400 туазах от берега, т.е. в целом лье от батареи. Гренадеры..., разойдясь по соседним домам, были заняты разогреванием ядер при помощи кухонных мехов. Трудно представить себе что-нибудь более смешное» [2; 4-5].

Вот в этом доказательстве бездарности генерала Карто Наполеон абсолютно прав. Однако понять смысл доводов изгнанника и их иронию уже тогда мог только офицер-артиллерист, а сегодня лишь военный историк, умеющий переводить ТУАЗЫ и ЛЬЕ в метры, знающий прицельную дальность 24-футовых орудий и невозможность раскалить пушечные ядра с помощью кухонных мехов. Как можно заметить из тщательного ознакомления с текстами императора, он зачастую считал, что то, что понятно ему как профессионалу, должно быть так же понятно и любому из его читателей.

Лишь третье доказательство неспособности Карто описано таким образом, что становится понятно и неподготовленному читателю. Здесь речь идет о необходимости, для быстрого достижения успеха, занятия позиции на мысе Кэр, которую Бонапарт оценил уже на третий день по прибытии к осадной армии. Но: «Генерал Карто не был способен ни понять, ни выполнить этот план, тем не менее он поручил отважному Делаборду⁷, впоследствии генералу императорской гвардии, отправиться туда с 400 человек. Через несколько дней противник высадился на берег в числе 4000 человек, отбросив генерала Делаборда и приступив к возведению форта МюрGRAV. В течение первых восьми дней начальник артиллерии⁸ не прекращал просьб о подкреплении Делаборда для того, чтобы можно было отбить противника с этого пункта, но не добился ничего. Карто не считал себя достаточно сильным для удлинения своего правого фланга, или, вернее, он не понимал важности этого. К концу же октября положение вещей сильно изменилось. Нельзя было больше думать о прямой атаке этой позиции. Нужно было ставить пушечные и мортирные батареи, начать траншейные работы и заставить замолчать артиллерию форта» [2; 7].

В этом отрывке драматизм происходящего автор подчеркивает сопоставлением числительных: Карто дал Делаборду всего 400 человек для занятия ключевой позиции, найденной Бонапартом, а проницательные англичане послали сюда же сразу 4000 и, конечно, выиграли.

Другой пример драматизации — это акцентировка последствий потерянного бездарным Карто времени: вместо того, чтобы быстро исправить ошибку — пустые

---

⁷ Делаборд Анри-Франсуа (1764 — 1833), сын булочника; в 1793 г. бригадный генерал, в 1796 г. дивизионный; в 1808 г. граф Империи. Во время похода в Россию 1812 г. командовал 1-й гвардейской дивизией. Поддержал Наполеона во время «100 дней». Пэр Франции, его имя выбито на Триумфальной арке в Париже.

⁸ Еще один способ наименования себя в 3-м лице.

отговорки. И вот противник укрепился, теперь нужны инженерные работы и контрбатареинная борьба. И все это из-за глупости главнокомандующего.

То ли считая, что этих примеров мало, то ли будучи раздражен воспоминаниями, но император начинает множить примеры безграмотности Карто в вопросах расположения батарей и использования артиллерии. Он так увлечен этим обличением, что не замечает того, что, перегрузив их специальными подробностями, сделал текст трудным для обычного читателя [2; 7]. Но, словно спохватившись, он завершает рассказ об ошибках своего начальника действительно отличным по литературности пассажем: еще в начале осады *«на самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов»*⁹. После оживленной канонады с них суда противника были вынуждены удалиться и очистить малый рейд» [2; 5]. Все шло успешно, и настолько, что *«На батареях Горы и Санкюлотов сосредоточилось внимание армии и всего юга Франции. Огонь с них велся ужасный. Множество английских шлюпок затонуло. Со многих фрегатов были сбиты мачты. Четыре линейных корабля оказались настолько сильно поврежденными, что пришлось их ввести в док для починки. Главнокомандующий же, воспользовавшись минутой, когда начальник артиллерии отлучился на 24 часа для ревизии морского арсенала и ускорения отправки необходимых предметов, приказал бросить эту батарею под предлогом, что на ней гибло много канониров. В 9 часов вечера, когда прибыл Наполеон, очищение батареи уже началось. Опять пришлось неповиноваться»* [2; 8].

В этом кусочке автор показал себя мастером литературного пейзажа. В первой же фразе он представляет нам обширную панораму происходящего: вся армия и весь юг Франции пристально следят за происходящим на батареях, возведенных Наполеоном. Масштаб майора артиллерии стремительно вырос до величины колосса Родосского, на деяния его смотрят неотрывно десятки тысяч граждан Республики. Действия артиллерийского огня описывает он четырьмя короткими фразами, как будто рисует перед нами настоящее батальное полотно:

Фраза 1-я — «Огонь с них велся ужасный» — авансцена.

Фраза 2-я — «Множество английских шлюпок затонуло» — 2-й план, рамки композиции расширяются.

Фраза 3-я — «Со многих фрегатов были сбиты мачты» — 3-й план, глубина полотна увеличилась, фрегаты, лишенные мачт, заполняют основное ее пространство.

Фраза 4-я — «Четыре линейных корабля оказались настолько повреждены, что пришлось их ввести в док для починки» — 4-й план, поврежденные линейные корабли стоят где-то совсем в глубине, плохо заметные с первого взгляда.

Так всего четырьмя фразами достигнута полная перспектива происходящего, полотно приобрело панорамную широту и такую же глубину. Словно батальная живопись Луи-Франсуа Лежена или Луи Альбера Гислена Бакле д'Альба возникла перед нами.

---

⁹ Курсив самого Наполеона!

После такой словесной живописи читатель уже в следующем абзаце легко прощается с генералом Карто, перемещенным в Альпийскую армию. А на его еще не остывшее место тут же приземлился генерал Доппе¹⁰, до этого, под началом знаменитого Ф.К. Келлермана, участвовавший в осаде взбунтовавшегося Лиона. Сей господин удостоился не столь пространной, но гораздо более ядовитой характеристики автора: *«Главкомандующий Доппе ... был савояр, медик, умнее, чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант. Через несколько дней после его прибытия упавшая английская бомба вызвала пожар порохового погреба на батарее Горы. Находившийся там начальник артиллерии подвергался большой опасности. Было убито несколько канониров. Явившись вечером к главнокомандующему для доклада об этом случае, начальник артиллерии застал его за составлением протокола в целях доказательства, что погреб был подожжен аристократами.*

На следующий день батальон котдорцев, находившийся в траншеях против форта Мюльграв¹¹, взялся за оружие и двинулся на форт, возмущенный дурным обращением испанцев с одним попавшим в плен французским волонтером. За ним направился Бургундский полк. В дело оказалась вовлеченной вся дивизия генерала Брюле. Началась канонада и ружейная перестрелка. Начальник артиллерии находился в главной квартире; он отправился к главнокомандующему, но и тот не понимал причины всего происходящего. Они поспешили на место действий. Было 4 часа дня. По мнению начальника артиллерии, раз атака была начата, следовало довести ее до конца. Генерал отдал ему приказание принять атаку под свое командование. Весь мыс был покрыт французскими стрелками, окружившими форт, и начальник артиллерии построил в колонну две гренадерские роты с целью проникнуть в форт, как вдруг главнокомандующий приказал ударить отбой вследствие того, что вблизи от него, но довольно далеко от линии огня, был убит один из его адъютантов. Стрелки, заметив отступление своих и услышав отбой, были в недоумении. Атака не удалась. Наполеон с лицом, покрытым кровью от легкой раны в лоб, подъехал к главнокомандующему и сказал ему: «Болван, сыгравший отбой, не дал нам взять Тулон». Солдаты, потеряв при отступлении немало своих товарищей, выражали недовольство. Они громко заявляли, что не пора ли с этим покончить. «Когда же перестанут присылать для командования нами живописцев и медиков?» Восемь дней спустя Доппе был послан в Пиренейскую армию. Свое прибытие туда он ознаменовал гильотинированием нескольких генералов» [2; 9].

В этом отрывке, которым, собственно, и исчерпывается вся характеристика генерала Доппе, автор предстал способным мастерски соединять кровавые реалии войны с банальностью «маленького человека», занесенного ураганом революции на горные высоты власти. В обыденной рутине мирной жизни поиск тайных врагов, бестолковость и трусость в тех или иных дозах встречаются у многих, в том числе и у начальников. Но привычный обывательский оппортунизм заставляет нас с этим мириться. Однако в экстремальной обстановке войны, с ее ежедневным риском смерти, такие качества делают подобного командующего просто нетерпимым. Именно это и выставил в поведении Доппе на всеобщее обозрение Наполеон. Как мастерски во второй части «портрета» противопоставил он мужество простых солдат трусости ничем не рискующего генерала! Как тонко сумел

¹⁰ Доппе Франсуа-Амедей (1753 — 1799), солдат, медик, литератор, якобинец, авантюрист.

¹¹ Главная оборонительная позиция англичан, от ее взятия зависела судьба осады Тулона.

соединить и себя с ними в оценке главнокомандующего! Но последняя фраза — просто шедевр: обвинение в кровавой жестокости на новом месте службы как бы выжигает печать подлеца на лбу этого экземпляра.

Но не надо думать, что Бонапарт был патологически предвзят по отношению к командующим осадной армии. В самом комплиментарном тоне описал он своего нового начальника Жака Франсуа Дюгоммье¹²: *«Голос солдат был услышан. 20 ноября доблестный Дюгоммье принял командование над армией. Он имел за собой 40 лет службы. Родиной его была одна из самых богатых колоний на Мартинике. С начала революции этот офицер, находившийся в отставке, стал во главе патриотов и оборонял город Сен-Пьер¹³. Когда англичане проникли туда, он, изгнанный с острова, потерял все свое состояние. Его назначили командиром бригады в Итальянскую армию в то время, когда пьемонтцы, желая воспользоваться отвлечением сил к Тулону, вздумали переправиться через Вар и войти в Прованс. Дюгоммье разбил их при Жилетте, чем заставил отступить за прежний рубеж. Он обладал всеми качествами старого воина. Лично до чрезвычайности храбрый, он любил храбрецов и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив, имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою» [2; 10].*

Бонапарт умело использует образ народа: в его повествовании от его имени действуют простые солдаты. Посмотрите, кто 11 ноября начал стихийно штурм форта Мюльграв? Батальон котдорцев, т.е. волонтеры. Почему пошли они на смерть без приказа? Они были возмущены дурным обращением интервентов с их пленным товарищем. За волонтерами поднялись и другие части. Снова автор рисует умелой рукой картину боя. Тут и стрелки, и гренадеры, строящиеся в штурмовую колонну, и обречший все на неудачу, трусивший Доппе. И в конце рассказа возмущенные им солдаты, требующие покончить с ТАКИМ командованием. Как бы подхватывая их простонародное негодование, автор начинает рассказ о новом командующем: *«Голос солдат был услышан. 20 ноября доблестный Дюгоммье принял командование над армией».*

Хотел того Наполеон, или он сам был захвачен потоком воспоминаний, но то, как описывает нового героя автор, раскручивает темпы повествования как пружину, и каждое слово настраивает читателя в его пользу. Он сразу же называет генерала *«доблестный Дюгоммье»*. Оказывается, что за его плечами *«40 лет службы»*, он защищал Мартинику от англичан и, изгнанный ими, *«потерял все свое состояние»*. Сам факт борьбы с британцами и захват ими имущества Дюгоммье автоматически настраивал французского читателя в пользу генерала. Меж тем события ускоряют свой ход: наш доблестный патриот не горюет об утраченном, он переплывает океан и сразу же устремляется на защиту рубежей Отечества, разбивает коварных пьемонтцев — и теперь под стенами Тулона. Бонапарт изобильно щедр на положительные эпитеты, рисуя портрет Дюгоммье. Он храбр, любит храбрецов и любим ими, добр, горяч, энергичен, но главное: *«имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою»*. Под пером императора генерал предстает полным собранием военных

---

¹² Дюгоммье Жак Франсуа (1738 — 1794), до 1785 г. носил фамилию Кокиль. Участник Семилетней войны, кавалер ордена Святого Людовика. Принял Революцию, командуя армией Восточных Пиренеев, погиб в сражении при Монтань-Нуар. Имя его выбито на Триумфальной арке в Париже.

¹³ Город Сен-Пьер на острове Мартиника, заморский департамент Франции.

доблестей. Вполне возможно, что Дюгомме импонировал ему тем, что, как и Бонапарт, был противником террора как во внутренней политике, так и на войне, и отказался выполнять варварское распоряжение Конвента не брать пленных.

Так или иначе, с появлением под Тулоном генерала Дюгомме темп повествования ускоряется. Внутренняя интрига меняется: Наполеон больше не борется с безграмотностью командующих, теперь он под руководством понимающего и поддерживающего его во всем генерала прилагает все усилия, чтобы ускорить час победы. Дюгомме в последней части очерка всегда на переднем плане, но автор постоянно рядом с ним: 30 ноября генерал отражает вылазку 7000 интервентов во главе с генерал-лейтенантом Ч. О'Хара, но берет англичанина в плен сам Наполеон. Вечером перед штурмом Малого Гибралтара автор уговаривает Дюгомме отбросить колебания из-за проливного дождя и идти в ночную атаку с 16 на 17 декабря 1793 года. Третью колонну, состоящую из отборных войск, повел генерал Делаборд, а «во главе атакующих встал сам Дюгомме». Атака не удалась. И тогда: «Дюгомме в отчаянии отправился к четвертой колонне — резерву. Ее вел сам начальник артиллерии. По его приказанию вперед шел батальон, который был вверен им Мюирону, капитану артиллерии ... В 3 часа утра Мюирон взобрался на форт по амбразуре, через которую вошли затем Дюгомме и начальник артиллерии» [2; 13].

В этом отрывке Наполеон начинает стремительно выдвигаться вперед и становится наравне с Дюгомме, ведь колонну, которую вел генерал, постигла неудача, и он «в отчаянии» присоединился к автору. Как много может изменить в смысле текста одно лишь слово! А как изящно в следующих двух фразах Бонапарт «оттеснил» своего генерала: сначала указав, что четвертую колонну вел он сам, начальник артиллерии, а потом оказалось, что возглавлял колонну батальон, вверенный Бонапартом капитану Мюирону, первым поднявшемуся в форт. Таким образом, читатель понимает, что взятие Малого Гибралтара — это целиком заслуга Наполеона.

И, наконец, в финале рассказа, когда взятый форт пришлось три часа отстаивать от контратак англичан, которым подвезли уже полевые орудия, кто спас положение? Конечно же, «по распоряжению начальника артиллерии уже подоспели его канониры, и орудия форта повернулись против врага. В темноте, под дождем, при ужасном ветре и общей растерянности — опять удачно вставленное слово! — Б.К. — среди убитых, слыша крики раненых и умирающих, начальнику артиллерии стоило большого труда приготовить шесть орудий. Лишь только они открыли огонь, противник отказался от атаки и повернул назад. Немного спустя начался рассвет» [2; 13-14]. Как видим в этом завершении рассказа о штурме, Дюгомме совершенно исчез, а остался и занял собою авансцену события один Бонапарт. Нет, что ни говори, а император выступает здесь как тонкий стилист, скромно подготавливающий свой триумф.

Конец текста, посвященного ночному штурму форта, заставляет нас снова вспомнить отточенный стиль Цезаря: «Штурм обошелся республиканской армии в 1000 человек убитыми и ранеными. Под начальником артиллерии была убита лошадь выстрелом с батареи Малого Гибралтара. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру. Генерал Делаборд и капитан Мюирон были тяжело ранены. Потери врага убитыми, ранеными и пленными достигали 2500 человек» [2; 14]. Так заканчивает свой рассказ Бонапарт. А теперь сравним его с описанием Цезарем сдачи в плен Верцингеторига после поражения соединенного

войска галлов под Алезией: *«По этому поводу¹⁴ отправили к Цезарю послов. Он приказывает им выдать оружие и привести князей. Сам он сел в укреплениях перед лагерем. Туда приводят вождей; Верцингеторига выдают, оружие положено. Эдуев и арвернов Цезарь приберег в расчете снова приобрести через них влияние на их общины; остальных пленных он распределил во всем своем войске по человеку на солдата в качестве военной добычи»* [5; 154].

Согласитесь: события разные по масштабу, но слог одинаков.

Однако же автор «Осады Тулона» гораздо более многомерен, чем это можно предположить из ранее разобранных отрывков его текста, и это вполне закономерно, ведь он же Наполеон.

Коснемся еще одной темы, которой пронизан этот текст. Темы, обращенной к читателям, разделяющим идеи 1793 года, темы якобинцев, якобинства и комиссаров якобинского Конвента.

Бонапарт, ставший императором и оказавшийся «узником Европы», не отмежевывается от якобинцев, он высказывает свое к ним отношение и отношение к себе в 1793 году. Эта тема заявляет о себе почти сразу же, как гром орудий двух батарей: *«На самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями **Горы и Санкюлотов**. После оживленной канонады с них суда противника были вынуждены удалиться и очистить малый рейд»* [2; 5]. Он и не думает скрывать от читателя, кто построил их и кто дал им такие названия. Нет, так строится фраза лишь в одном случае: она должна возвестить о том, что он сам, Наполеон Бонапарт, тогда, в грозном 1793 году, был и с **Горой**, и с **Санкюлотами**, т.е. с якобинцами. Почему мы делаем такой вывод? Да потому, что **Горой** в те месяцы называли фракцию якобинцев в Конvente из-за того, что сидели они на верхних скамьях амфитеатра, т.е. на горе. **Санкюлоты**, по-русски — голоштанники. Беднейшая часть французского общества, простой народ, не имевший денег на покупку приличной одежды, неотъемлемой частью которой были **КЮЛОТЫ**, т.е. короткие штаны до колена, которые носились с чулками и кожаными башмаками. Бедный же простолудин носил длинные штаны до щиколоток с «неподбитыми» краями, часто в тонкую разноцветную полоску «национальных цветов», а вместо башмаков могли быть деревянные сабо. Добросовестного гражданина, настоящего патриота, в те роковые для Отечества месяцы часто и в печати, и в публичных речах, и даже в официальных документах именовали «добрым» или «истинным санкюлотом». Так что бывший гражданин Бонапарт выражается в этой фразе вполне четко и определенно.

Тот, кто однажды был причастен к якобинцам, не сможет освободиться от этого полностью никогда. Да, ОН делает своеобразный политический кивок «налево». Вторая половина этой коротенькой цитаты опять-таки должна была указывать читателю на то, что император и сейчас хорошо помнит, какому времени обязан он началом своей известности и славы.

---

¹⁴ По поводу выдачи Верцингеторига римлянам.

О том, что ОН умеет помнить добро и ценит профессионализм, исходящий от якобинца, говорит нам краткая, но яркая характеристика, данная им тут же Т.О. Гаспарену¹⁵: *«Гаспарен был умным человеком. В течение осады Наполеон имел случай его оценить и многим был обязан ему»* [2; 8]. За этими двумя строчками скрыты 39 лет весьма достойной жизни.

Как и Бонапарт, Гаспарен вел свой род с Корсики. В революционном 1789 году он — капитан Пикардийского полка, честный патриот и друг солдат. В 1791 г. стал депутатом Законодательного собрания, а в 1792 г. избран в Национальный Конвент, стал членом Якобинского клуба. Уже в октябре 1792 г. одним из первых стал комиссаром в армии, 14 января 1793 г. голосовал за казнь Людовика XVI. Член якобинского Комитета общественной безопасности, 16 июня 1793 г. предложил декрет о смертной казни за шпионаж в армии или в зоне боевых действий. В 1792 — 1793 гг. был постоянно «депутатом Конвента в миссии», т.е. революционным комиссаром в войсках. Именно ему вместе с такими же комиссарами О. Робеспьером и К. Саличети читает Бонапарт свой памфлет «Ужин в Бокере», а эти три якобинца — его первые слушатели. Именно Гаспарен и Саличети рекомендовали Конвенту назначить Наполеона командовать артиллерией при осаде Тулона. Уже будучи тяжелобольным, Гаспарен 5 ноября 1793 г. послал письмо в Конвент, выражая уверенность в скором падении Тулона, а 7 ноября Тома-Огюстен умер в родном Оранже на руках своей семьи.

Вот таков был этот человек, о котором августейший ссыльный сохранил не только благородную память, но на пороге смерти, 24 апреля 1821 года, подводя последние итоги, указал в своем завещании: *«... мы завещаем сто тысяч франков сыну или внуку депутата Конвента Гаспарена, народного представителя в армии Тулона, за то, что он защищал и утверждал своим авторитетом наш план, позволивший взять город и бывший противоположным тому, что отправил Комитет общественного спасения. Гаспарен взял нас под свою протекцию и избавил от преследований невежественного генерального штаба, командующего армией до прибытия моего друга Дюгоммье»* [3; 128]

Казалось бы, текст этой завещательной записки по смыслу своему повторяет почти буквально то, что Бонапарт писал об этом достойном человеке в «Осаде Тулона». Но тон в завещании совсем иной. Все эти местоимения множественного числа: *МЫ, НАШ, НАС* — придают тексту 3-го пункта 4-й приписки к завещанию умирающего, тон императорского рескрипта, благодарящего потомство члена Конвента за его верную службу самому Императору. Какой же он был великолепный мастер смыслового парадокса, как до самого конца он не позволял ни окружающим, ни самому себе разувериться в том, что Наполеон и сейчас император! Даже и на краю могилы.

Однако же вернемся к оценке депутатов Конвента, а точнее, комиссаров «в миссии». Не будем обольщаться похвалами в адрес Гаспарена, они — исключение, в них Наполеон воздает справедливое признание и должное человеку, которому он был лично очень обязан.

---

¹⁵ Гаспарен (Gasparin) де, Тома-Огюстен (1753 — 1794), дворянин, офицер, депутат Национального законодательного собрания и Национального Конвента; член Комитета общественной безопасности; участвовал в осаде Тулона. Скончался, не дожив до ее завершения.

И не скрывает этого. Но по отношению к остальным он настроен отрицательно. Во-первых, они позеры, в военном деле мало что понимают и только мешают.

Вот в самом конце ноября он принимает большие усилия, чтобы создать на ключевой позиции новую батарею и, что важно, делает это скрытно от противника, ибо *«Для того чтобы напугать, нужно действовать внезапно, и, конечно, следовало скрыть от врага существование этой батареи. Имея в виду такую цель, Наполеон приказал замаскировать батарею завесой из оливковых ветвей, что и удалось сделать 29 ноября, в 4 часа дня ее посетили народные представители. На батарее находилось восемь 24-фунтовых пушек и четыре мортиры. Она называлась батареей Конвента. Представители спросили канониров, что мешает им начать стрельбу. Канониры ответили, что у них все готово и что их орудия превосходно действуют. Народные представители приказали им стрелять. Начальник артиллерии, находившийся в главной квартире, с изумлением услышал пальбу, что противоречило его намерениям. Он отправился к главнокомандующему с жалобой. Зло было сделано непоправимое»* [2; 11].

И снова автор предстает перед читателем как блестящий стилист. Для усиления эффекта описываемого он прибег к сухому, практически рубленому слогу репортажа. Почти нет распространенных или сложносочиненных предложений: сухие факты, и ничего более. События, скупые и безэмоциональные, сыплются как струйка песка в древних часах, нанизываясь одно на другое, пока в их строгую закономерность не впитается, совершенно чужеродная их логичности, самолюбивая глупость комиссаров-демагогов, и стройное сооружение обрушивается от их единственного прикосновения. И тогда-то Бонапарт выпускает на свет божий сильную эмоцию, из которой целиком состоит вся последняя фраза. И поэтому звучит она емко и бескомпромиссно, как приговор: *«Зло было сделано непоправимое»*. С этой убийственной оценкой комиссары погружаются в пучину текста.

Но не таков он, император, чтобы просто так отпустить этих бесполезных и вредных надзирателей и «вдохновителей», так внутренне глубоко чуждых ремеслу солдата. Через пару страниц он вешает им «камень на шею», чтобы они скорее погрузились в омут забвения. После отличного описания тяжелейшей, исполненной жертв, тревог и опасностей, ночной атаки Малого Гибралтара автор рисует маленькую сценку, завершающую картину этого подвига: *«Эти три часа были часами мучительных ожиданий и тревог. Только днем, через много времени после захвата форта, вошли в него представители Конвента уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями, и поблагодарили солдат»*. Да, оказывается, Наполеону присущ еще и дар сатиры. Всего лишь одним словом — «молодецкой», в оригинале heros (герой), он поставил в невыносимо смешное положение комиссаров, которые, не участвуя в штурме, не могли проявить никакого героизма, а лишь имитировали его своим внешним поведением. Когда нет никакой опасности, неуместно напускать на себя героический вид; *«с обнаженными саблями»*, но какой смысл их обнажать, когда противника нет? Как же смешно и карикатурно выглядят они под пером беспощадного к трусам автора!

Казалось бы, здесь он мог бы и поставить точку. Но нет, из глубин памяти извлекает автор еще одну сторону деятельности представителей Конвента, ту сторону, с которой Наполеон никогда не соглашался и о которой не хотел молчать. Пересказывать эту историю — дело неблагоприятное. Предоставим слово самому генералу Бонапарту. Итак, Тулон пал, солдаты Республики вступили в город: *«Народные представители, по законам того*

времени, учредили революционный трибунал; но все преступники вместе с неприятелем были далеко, те же, кто решился остаться, чувствовали себя невиновными. Однако трибунал арестовал несколько человек, случайно не успевших уйти с неприятелем, и казнил их во искупление совершенных ими злодеяний. Но восьми — десяти жертв было недостаточно. Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах сохранил должности в арсенале, надлежит собраться на Марсово поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 человек старших рабочих, мелких приказчиков и других мелких служащих поверили этому и явились; их фамилии были записаны, и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при английском правительстве. Тотчас же на том же поле революционный трибунал присудил их всех к смерти. Батальон санкюотов и марсельцев, вызванный туда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях. Это был единственный случай. Как бы то ни было, их расстреляли напрасно» [2; 19].

Анализируя этот отрывок, мы обнаруживаем интересную особенность в авторской оценке происходящего. Во-первых, он снова старается излагать только факты, но по мере того как они сообщаются, Наполеон начинает утрачивать безэмоциональность, а, следовательно, дает оценку происходящему. Он пишет, что оставшиеся в Тулоне арсенальные служители «чувствовали себя невиновными», далее он дает свою оценку деятельности трибунала: «*Но восьми — десяти жертв было недостаточно*». Само их определение как «*жертв*» говорит в пользу того, что они вряд ли так виновны, что достойны смерти, а вот трибунал-то явно кровожаден. В следующей же фразе якобинские комиссары получают от него суровую, но бескомпромиссную оценку. Еще ни слова не сказано о том, что они совершили, но уже высказано бесповоротно осуждение как того, что произойдет, так и самого времени революционного террора: «*Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи...*». После этого автор снова возвращается к сухому протокольному стилю изложения, что делает описываемые им последовательно события чудовищными. Тут и наивная доверчивость будущих жертв, и бессердечное коварство идей, скрывающих свой замысел под покровом рутинной бюрократической процедуры, и, наконец, мгновенная кровавая развязка события, бьющая по нервам самого «толстокожего» читателя. Потрясает, если вдуматься, резюмирующая фраза: «*Как бы то ни было, их расстреляли напрасно*». Ее вторая половина достойна быть эпитафией на могиле казненных: «*...их расстреляли напрасно*». Бонапарт поднимается до оценочных высот историка и моралиста. Пожалуй, это уже не Цезарь, а так любимый им Тацит судит то, чему свидетелем был он «без гнева и пристрастия». Это «*напрасно*» можно понимать и как признание человека, столько раз проливавшего кровь на поле боя, в том, что без особой нужды лить ее и глупо, и преступно. И еще: это «*напрасно*» хорошо сочетается с письмом 9 февраля 1807 г. к Жозефине, на следующий день после битвы при Прейсиш-Эйлау: «*Вчера произошло ужасное сражение. Я потерял много людей. Поверь мне, душа страдает при виде стольких жертв войны*» [7; N11787].

Он же и сам приказывал расстреливать, но считал, что поступает «по справедливости». В феврале 1799 г. по пути через Синай войска его взяли форт Аль-Ариш. На капитуляцию сдалось около 1500 человек. Этот гарнизон «*покаялся отправиться в Багдад через пустыню, не поднимать оружие против Франции на протяжении этой войны и не возвращаться в течение года ни в Египет, ни в Сирию*» [1; 215]. Но уже 5 марта, при

отражении вылазки осажденных в Яффе, были взяты пленные: «Среди пленнх оказались три албанца, которые сообщили, что весь гарнизон прибыл в Яффу, нарушив условия капитуляции и свою клятву» [1; 225]. 7 марта город был взят штурмом, а далее произошло следующее: «Пленнх оказалось 2500, в том числе 800 или 900 из гарнизона Аль-Ариша. Последнне, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше как через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли. Остальнх пленнх отправили в Египет с трофеями, знаменами и т. д.» [1; 227].

Эта история для него была поступком «по справедливости». Она преследовала его до края могилы, он оправдывал свое поведение в Яффе даже в Лонгвуде, на Святой Елене. Осуждающие Наполеона утверждают, что было расстреляно до 4000 пленнх. Как мы видим, он стоял на цифре более чем в четыре раза меньшей. Странно, что он не упомянул о своих трехдневных размышлениях о том, как поступить с ними. Именно об этом обстоятельстве пишет Е.В. Тарле [4; 71]. Почему молчит об этом сам император? Возможно, он не желал, чтобы посчитали, что он оправдывается. Главным мотивом расстрела объявляет он нарушение клятвы, данной при сдаче Аль-Арише. Конечно же, этот довод должен был быть понятен французскому, и вообще европейскому читателю и смягчить их отношение к расстрелу пленнх. Во всяком случае, этот мотив мог отвлечь внимание от другого вопроса к Бонапарту: а насколько серьезно, по-европейски, относились на Востоке к данным клятвам? Не пытается ли «пленник Европы» ослабить эффект от содеянного, приписав пленным арнаутам европейский стандарт поведения?

Во всяком случае, в данной истории он считает себя правым, а сомнения собственной совести пытается заглушить чисто литературным приемом. Бонапарт трижды описывает судьбу сдавшихся, причем конфликт показан в развитии, он идет по нарастающей, все фразы его изложены подчеркнута бесстрастно, как само собой разумеющееся. Эффект от происшедшего он смягчает последней фразой: «Остальнх пленнх отправили в Египет с трофеями, знаменами и т. д.». Понятно, что каждый перед глазами современников и потомков хочет выглядеть справедливым судьей.

Далеко не исчерпав эту интереснейшую тему, мы, однако, приближаемся к финалу статьи, и здесь снова желательно вернуться к четвертой приписке к завещанию умирающего императора. В пункте 5-м написано следующее: «Мы завещаем сто тысяч франков вдове, сыну или внуку нашего адъютанта Мюирона, убитого в Арколе, прикрывшего нас своим телом» [3; 128]. Жан-Батист Мюирон (1774 — 1796) был для Наполеона одним из немногих спутников его молодости, о котором он сохранял память всю свою жизнь. Его имя было присвоено 44-пушечному фрегату, конфискованному в Венеции в 1797 г. На этом корабле генерал вернулся из Египта осенью 1799 г. Утверждается, что имя его император предполагал использовать в качестве псевдонима после своего второго отречения. И вот это имя появляется в приписке к завещанию 24 апреля 1821 г. Там, на далеком острове, затерянном посреди Атлантического океана, умирающий произносит его и скрепляет свою подписью, словно бумажку с паролем, которую вот-вот передаст Харону, чтобы переправиться через хладные воды Стикса и присоединиться к своему верному адъютанту. Возможно, Бонапарт именно так и думал в эту минуту, а может быть, хотел, чтобы так подумали читатели. Во всяком случае, это был красивый литературный ход. Если бы не одно словечко: он опять вместо «меня» упорно пишет «нас», он не может, а, вероятно, и не хочет

быть до конца человечным, императорская маска плотно срослась с его человеческим лицом. Он играет трагедию до конца.

Здесь и можно было бы поставить точку, и предаться элегическим размышлениям. Но не таков император — он в последний раз преподносит читателю и нам с вами сюрприз.

В следующем, 5-м пункте, он вдруг вспоминает об одном из своих верных солдат. За три года до этого, 10 марта 1818 г. ветеран его армии Кантильон с расстояния в два метра стрелял в герцога Веллингтона и... промахнулся. Произошло это за полгода до того, как оккупационная армия, которой командовал британец, должна была покинуть Францию. Вот как писал об этом умирающий:

«...десять тысяч франков младшему офицеру Кантильону, пытавшемуся убить лорда Веллингтона, в чем он был признан невиновным. Кантильон имел такое же право убить этого олигарха, как и тот — отправить меня гибнуть на скалу Святой Елены. Веллингтон, предложивший это, оправдывался интересами Великобритании; Кантильон, если бы он действительно убил лорда, был бы увенчан лаврами и оправдан теми же мотивами — интересами Франции. Франция избавилась бы от генерала, нарушившего соглашение о капитуляции Парижа, ответственного за кровь страдальцев Нея, Лабердойера и других, за преступное разграбление музеев» [3; 128-129].

Кем же предстает Наполеон в этих нескольких строках, последних строках, выражающих его отношение к миру, который он покидает? При их чтении возникает ощущение, что их диктует молодой офицер, живущий в 1793 году. Он употребляет лексику этого яростного времени. Во-первых, он отказывается от третьего лица и именуется в первом лице — «меня». Императорское достоинство как бы исчезает и заменяется величием человеческой личности. Как будто он на мгновение вернулся в ту минуту своего детства, когда, по преданию, 10-летний мальчик на вопрос учителя: «Да кто же вы такой?» — ответил с достоинством: «Я — человек».

Во-вторых, для характеристики социальной личности Веллингтона находит он определение, прямо выхваченное если не из статей Мюрата, то из речей Робеспьера или Сен-Жюста с трибуны Конвента: «олигарх», т.е. враг простого трудового народа, враг Свободы и враг Республики. Более точно и более убийственно трудно было назвать гордого аристократа и щеголя Артура Уэлсли, надменно взирающего на нас с портрета, написанного в 1817 г. Томасом Лоуренсом.

В-третьих, он обвиняет фельдмаршала в том, что не достойно имени СОЛДАТА — тот — убийца, намеренный «отправить меня гибнуть на скалу Святой Елены»; мало этого — бессердечный убийца, не пожелавший внять мольбам супруги Нея и прочих страдальцев: «ответственный за кровь страдальцев Нея, Лабердойера и других». Наконец, герцог просто музейный вор: Веллингтон простодушно и недальновидно принял участие в решении вопроса о возвращении произведений искусства, взятых в разное время Наполеоном в качестве контрибуции и помещенных в музеи Парижа.

Умелый полемист, император ставит на одну доску кичливого герцога и «маленького человека» Кантильона, уравнивает их тем, что унижает Веллингтона и возвеличивает одного из десятков тысяч безвестных солдат Франции. Мы ясно читаем между строк: величие души Кантильона в том, что он, самый рядовой из всех рядовых французов, не защищенный ни знатностью рода, ни богатством, дерзает сразить осененного величием власти, распорядителя 15000 штыков, облеченного доверием могущественнейших монархов, казалось бы, ни для чего и ни для кого не уязвимого британского полководца. Ради чего рискует жизнью Кантильон? Ради интересов Франции. Ради чего «губит» Наполеона Веллингтон? Ради интересов Великобритании. Ну что же, тогда они равны. Какая великолепная, звонкая пощечина герцогу и всем европейским монархам!

Нет, он был неправ, говоря, что человеческая струна сердца его совсем перестала звучать. Просто она приобрела тут совсем иную, грозную тональность.

Итак, мы соприкоснулись с языком Наполеона, увидели его отличные литературные, публицистические способности. Мы увидели и его умение конструировать текст, постепенно усиливать, казалось бы, неявную в начале мысль, а потом, в конце, наносить точный и яркий удар, давать незабываемую характеристику и проявлять свою многогранную личность.

Литература

1. *Наполеон*. Египетский поход. 2000. СПб.: Азбука, 432 с.
2. *Наполеон*. Избранные произведения. Том 1. 1941. М.: Воениздат, 351 с.
3. *Наполеон*. Императорские максимы. 2017. М.: Эксмо-Пресс, 384 с.
4. *Тарле Е.В.* Сочинения в двенадцати томах. Том VII. 1959. М.: Издательство АН СССР, 866 с.
5. *Цезарь Гай Юлий*. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. В двух томах. Том 1. О Галльской войне. 1991. М.: День, 188 с.
6. *Цезарь Гай Юлий*. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. В двух томах. Том 2. Гражданская война. Александрийская война. Африканская война. 1991. М.: День, 192 с.
7. *Napoleon*. Correspondance de Napoléon I. T. 14. 1863. Paris: Dumaine, 637 p.

References

1. Napoleon. Egipetskii pokhod. 2000. Saint Petersburg: Azbuka, 432 s. (In Russ.)
2. Napoleon. Izbrannye proizvedeniya. Tom 1. 1941. Moscow: Voenizdat, 351 s. (In Russ.)
3. Napoleon. Imperatorskie maksimy. 2017. Moscow: Eksmo-Press, 384 s. (In Russ.)
4. Tarle E.V. Sochineniya v dvenadtsati tomakh. Tom VII. 1959. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 866 s. (In Russ.)
5. Tsezar' Gai Yulii. Zapiski Yuliyi Tsezarya i ego prodolzhateli. V dvukh tomakh. Tom 1. O Gall'skoi voine. 1991. Moscow: Den', 188 s. (In Russ.)
6. Tsezar' Gai Yulii. Zapiski Yuliyi Tsezarya i ego prodolzhateli. V dvukh tomakh. Tom 2. Grazhdanskaya voina. Aleksandriiskaya voina. Afrikanskaya voina. 1991. Moscow: Den', 192 s. (In Russ.)
7. Napoleon. Correspondance de Napoléon I. T. 14. 1863. Paris: Dumaine, 637 p.

Кипнис Б.Г.
Скрытый смысл наполеоновских текстов
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 67–82.

Kipnis B.G.
Napoleon's Texts: Hidden Meanings
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 67–82.

Информация об авторах

Кипнис Борис Григорьевич, военный историк, лектор, преподаватель, автор курса лекций по «Истории России», член Военно-исторической ассоциации России, консультант военно-исторических реконструкций, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

Information about the authors

Boris G. Kipnis, military historian, lecturer, professor, lecture course author on «History of Russia», member of Russian Military Historical Association, consultant for military-historical reconstructions, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022